

деструктивные стороны этих событий в России, по крайней мере, в том, что касается народов Севера, решительно преобладали. Об этом написано достаточно много. Достаточно почитать работы Б. Шишло и Ю. Слезкина. Но этих работ вообще нет в библиографии, очевидно авторы о них и не знают. Неудивительно, что часто проскальзывает неоправданно апологетический тон в отношении событий советского периода. Порой кажется, что некоторые части текста написаны во времена брежневского застоя и без изменений перенесены в современное издание.

Справедливости ради следует отметить, что это замечание относится не ко всем главам. В некоторых главах разоблачение злодеяний коммунистического режима по отношению к коренным народам Сибири дано достаточно жестко и правдиво, но, к сожалению, не во всех.

Зато повсюду следовало бы дать больше конкретно документированных данных о том беспределе, который нередко имеет место по отношению к малочисленному коренному населению со стороны “дикого капитализма” хищнических частных предпринимателей и потворствующих им коррумпированных чиновников, о противоправно творимых притеснениях, в особенности в части необоснованно заниженных норм вылова коренным населением рыбы, всегда бывшей главным источником его жизнеобеспечения, об экологических бедствиях, вызываемых действиями нефтедобывающих, лесопромышленных и иных компаний и концессий, и о других темных сторонах нашего подзатынувшегося “переходного периода”.

Большинство томов серии “Народы и культуры” написано преимущественно авторами из числа соответствующих народов, знающими описываемую культуру, так сказать, изнутри. Но в написании данного тома туземные авторы почти не принимали участия. Он весь написан с позиций “взгляда извне”, из ученых кабинетов Москвы и Петербурга. Даже если авторы и вели полевую работу среди описанных народов, в книге это отражено недостаточно. Привлечение туземных авторов хотя бы в качестве частичных соавторов могло бы существенно повысить информативность изложения.

Большим недостатком является отсутствие глоссария. При изобилии терминов из туземных языков или терминов регионального бытования (тойон, каяга, цукли и т.п.) глоссарий был бы очень полезен.

Подводя итог, можно сказать, что в целом том представляет собой вполне положительное явление в отечественной североведческой литературе и принесет немалую пользу и специалистам, и учащимся, и более широкому читателю. Но если бы редакторы и большинство авторов тома руководствовались бы при его подготовке более современными критериями этнографического описания, он мог бы получиться гораздо лучше.

ЭО, 2012 г., № 1

© **В.В. Трепавлов**. Рец. на: *А.М. Хазанов. Кочевники и внешний мир*. 4-е изд., доп. СПб., 2008. 512 с.

Профессор Висконсинского университета (США) Анатолий Михайлович Хазанов по праву считается одним из крупнейших специалистов по истории, экономике и социальному строю кочевников. Широко известный своими монографиями 1970-х годов о ранних номадах – скифах и сарматах, впоследствии он обратился к анализу социальной природы кочевничества как цивилизационного феномена. Его книга “Кочевники и внешний мир” (Nomads and the Outside World), увидевшая свет впервые в 1984 г. в Америке, выдержала повторное издание там же в 1994 г., была переведена на русский язык и издана в Казахстане в 2000 г., а теперь, в четвертом издании, стала доступна широкой российской аудитории. Для российского издания автор написал специальные предисловие и послесловие. В конце российской версии монографии помещены шесть статей по различным проблемам истории кочевников и современному состоянию их потомков-скотоводов.

В центре внимания А.М. Хазанова находится соотношение двух “полюсов”, двух противоположностей – скотоводства и земледелия, подвижности и оседлости. Он рассматривает

Вадим Винцевич Трепавлов – д. и. н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений; e-mail: trepavlov@yandex.ru

многообразные формы контактов и взаимосвязей кочевых и оседло-земледельческих обществ в различных регионах мира на протяжении последних трех тысячелетий. При этом содержание монографии намного шире темы, обозначенной в ее названии, т.к. большое внимание уделяется закономерностям развития кочевничества, кочевого социума, его трансформациям – вплоть до создания государственных структур.

Именно анализу кочевничества посвящены первые две главы – “Номадизм как особый вид производящей экономики” и “Происхождение кочевого скотоводства”. Автор выделяет следующие основные хозяйственные особенности номадизма: скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности; его круглогодичный характер, связанный с внестоимым содержанием скота на подножном корму; периодическая подвижность в пределах определенных пастбищных территорий (в отличие от миграций); участие в перекочевках всего населения или большей его части; натуральный характер экономики (с. 61). Кочевое скотоводство, по его мнению, существовало в виде пяти типов: северного евразийского (полярные пустыни и тундра), евразийского степного, ближневосточного, средневосточного (Иран, Афганистан) и высокогорного внутринеазиатского (Тибет, Памир) (с. 83–107).

Экономическим фундаментом кочевого мира являются частная собственность на скот и корпоративная собственность на пастбища (с. 156). Экономические факторы развития скотоводческого общества тесно связываются с его политическим развитием. В истории хорошо известны политические объединения кочевников, их каганаты, ханства и т.п. Как считает А.М. Хазанов, организация номадов на уровнях, превышающих родовую скотоводческую общину, не вытекает непосредственно из производственных процессов, хотя и они учитываются во взаимоотношениях семей, родов и племен – когда, например, возникает потребность в рациональном распределении ключевых ресурсов, установлении и регулировании маршрутов перекочевков. Гораздо более значительную роль в политической интеграции играют социально-политические причины: межклановая борьба за скот и пастбища, миграции, войны, особенности отношений с внешним миром.

В целом автор согласен применять к некоторым кочевым политиям понятия вожества (“кочевого вожества”). Однако он считает, что они имеют специфическое отличие в природе своего происхождения, поскольку возникают не самостоятельно, по мере внутреннего развития, а только в результате взаимодействия с внешним миром, т.е. в первую очередь с земледельческими цивилизациями (с. 198). В кочевых вожествах имеется централизованное руководство, однако оно формируется ситуационно, в пределах соответствующей социально-политической обстановки. Да и сами такие вожества в общем ситуационны, с нестабильной структурой и непостоянным составом.

Исследование А.М. Хазановым кочевников в ряде обширных регионов привело его к выводу о нестабильности и неавтаркичности номадных обществ. Их внутренних ресурсов не хватало для долговременного самостоятельного существования на ограниченных пастбищных пространствах. Периодически возникала необходимость расширять производственную базу – или за счет освоения новых пастбищ, или – превращения в пастбища территорий земледельцев. Кроме того, недостаток земледельческой и ремесленной продукции вызывал необходимость поиска постоянного доступа к источнику таких ресурсов. Этот поиск приводил либо к седентаризации кочевников, либо к поиску способов приобретения необходимых продуктов у оседлых соседей. Последнее достигалось в разные времена различными методами, от мирной торговли до набегов и завоеваний. В принципе все эти способы являются формами адаптации номадов к окружающему миру, мерами для достижения относительного равновесия между потребностями кочевых скотоводов и возможностями удовлетворения этих потребностей.

Торговый обмен объективно ограничивался из-за дальних расстояний и изменчивой политики соседних государств. Поэтому гораздо более надежными средствами обеспечения доступа к ресурсам оседлых соседей, к бесперебойному и беспрепятственному приобретению земледельческой и ремесленной продукции было насильственное ее изъятие. Это достигалось следующим образом: изымалось в ходе прямого грабежа, в виде дани, в виде регулярных податей, захвата земельной собственности и получения с нее доходов в виде ренты, прямой эксплуатации крестьян как арендаторов или издольщиков; кроме того, в недрах самого кочевого общества было возможно создание земледельческого и ремесленного укладов (с. 246–249).

Наблюдения А.М. Хазанова могут быть удачно соотнесены с материалами средневековой Евразии. Такое подробно изученное политическое образование номадов, как Улус Джучи (Золотая Орда), обладало укладами, присущими оседлой экономике. Причем эта громадная империя использовала ресурсы не только старых земледельческих областей, завоеванных монголами

(Хорезм, Крым, Волжская Булгария), но и новых городских центров, где земледелием и ремеслом занимались в основном не ордынские тюрки, а разноплеменный “ясырь” – военнопленные и угнанные в полон недоимщики. Кроме того, правительство Улуса Джучи практиковало регулярное и фиксированное налогообложение подданных – как кочевых, так и оседлых. Это не была система данничества, что важно подчеркнуть, поскольку в русских средневековых источниках разветвленная система ордынских податей нередко обозначалась многозначным понятием “дань”.

Проанализировав бурную историю взаимоотношений кочевников и оседлых земледельцев, А.М. Хазанов пришел к заключению, что первые достигали политической стадии государственности, как правило, в результате взаимодействия со вторыми. Следствием такого взаимодействия было формирование кочевых государств, которые подразделяются автором на три типа. В “государствах первого типа” подчинение оседлого населения реализовывалось по большей части в вассально-даннических и других примитивных формах коллективной зависимости и эксплуатации; как правило, завоеватели и побежденные (порой сохранявшие собственное государство) занимали отдельные экологические зоны. В “государствах второго типа” после или в ходе завоевания кочевники переселялись на новую территорию и делили с земледельцами одну экологическую зону, вследствие чего происходила конвергенция менее развитых форм социальных отношений завоевателей и более развитых форм таких отношений, присущих обществу завоеванных. “Государства третьего типа” являли собой единую социально-экономическую и политическую систему, основанную на разделении труда между скотоводами и земледельцами (с. 253, 254).

Итоговый вывод сводится к следующему утверждению: “... Только в отдельных случаях кочевое государство возникало без завоевания и покорения оседлого населения... Без таких отношений кочевые государства были не более чем кратковременными эпизодами в истории. Они возникали как результат весьма специфических проблем, с которыми сталкивалось кочевое общество, обычно накануне экспансии и ради экспансии. Точно так же, как предшествовавшие им вождества, такие государства могут быть определены как ситуационные. Однако только само завоевание или установление иных форм зависимости оседлых стран и территорий обеспечивало более или менее долговременное существование возникавших кочевых государств” (с. 308).

В послесловии к российскому изданию, озаглавленном как “Кочевники в истории оседлого мира”, А.М. Хазанов обозначает обширный круг пока не проясненных проблем. При этом нужно заметить, что в самом начале книги он обращает внимание на сознательную ограниченность своего исследования социальными, экономическими и политическими аспектами (без пристального внимания к аспектам идеологическим и культурным, которые не менее важны в истории.) К числу непроясненных проблем автор относит изучение влияния кочевников на оседлых (обратный процесс относительно хорошо изучен) и в целом инноваций, которые возникали в результате кочевнических завоеваний. Сами эти завоевания в литературе часто рассматриваются как “опустошительные катастрофы” – и автор считает, что такое их обозначение часто нуждается в уточнении конкретных деталей, а иногда оно в принципе не корректно, – в случае, если завоевание имело долгосрочные экономические последствия. Случается, что современная политизированная наука (примеры: Россия, Венгрия, Румыния) приписывает отсталость своих стран пагубному влиянию кочевников. Между строками читается вопрос: а не стоит ли поискать внутренние причины отсталости, без ссылок на завоевателей многовековой давности?

Для российского читателя книга А.М. Хазанова ценна тем, что в ней очерчен намного более широкий ареал номадизма, чем тот, который обычно исследуется отечественными учеными. Огромный массив литературы создан у нас по истории жителей евразийских степей. Гораздо слабее представлена тематика номадизма в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. Рецензируемая монография дает возможность рассматривать кочевое скотоводство во всем многообразии его проявлений и вариантов, то есть “наши” евразийские кочевники представляли лишь один из этих вариантов.

Вместе с тем в рецензируемом фундаментальном труде упущен момент, который был бы интересен именно российскому читателю. “Внешний мир” в интерпретации А.М. Хазанова – главным образом мир оседлых земледельцев и ремесленников. По отношению к евразийскимномадам это были, как правило, южные и западные страны. Но на громадной территории Южной Сибири, Казахстана и Поволжья степь сменялась на севере лесной зоной, населенной охотниками и рыбаками. Данные археологии и фольклористики свидетельствуют о том, что история контактов степных скотоводов с населением лесной зоны оказывалась не менее насыщенной и драматичной, чем с оседлыми цивилизациями. Для кочевых степей это тоже был “внешний мир”, хотя и менее богатый ресурсами, необходимыми для номадов.